

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕКЦИЯ

РЕШЕНИЕ

ПО ПРИЕМЛЕМОСТИ

№ заявки. 71074/01

Juta MENTZEN также известна как MENCENA против Латвии

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая 7 декабря 2004 года в качестве Палаты в составе:

Сэр Nicolas BRATZA , президент,

Г-н J. CASADEVALL,

Г-н G. BONELLO,

Г-н R. MARUSTE,

Г-н S. PAVLOVSKI,

Г-н L. GARLICKI, судья,

Г-жа I. ZIEMELE, специальный судья,

и г-н O'BOYLE, Секретарь Секции,

Принимая во внимание вышеупомянутое заявление, поданное 22 июня 2001 года,

Принимая во внимание замечания и дополнительные замечания, представленные правительством, и замечания в ответ, представленные заявителем,

Рассмотрев вопрос, он принял следующее решение:

ФАКТЫ

Заявитель является латвийским гражданином, который родился в 1972 году и в настоящее время проживает в Белграде (Сербия и Черногория). Правительство-ответчик было представлено г-жой И. Рейн, их агентом.

A. Обстоятельства дела

Факты дела, представленные сторонами, можно резюмировать следующим образом.

1. Изменение письменной формы фамилии заявителя

29 декабря 1998 года заявитель женился на немце, г-н Фердинанд Карл Фридрих Менцен. Брак был отмечен и зарегистрирован в регистрационном бюро Bonn II (Standesamt Bonn II) в Германии, который в тот же день выдал свидетельство о браке (Heiratseintrag). В свидетельстве о браке заявителю была дана фамилия мужа «Менцен».

В августе 1999 года заявитель обратился в Национальную и миграционную службу Министерства внутренних дел Латвии (Iekšlietu ministrijas Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde - «Служба гражданства и миграции»), чтобы заменить ее прежний латышский паспорт, который был выпущен с девичьей фамилией новый паспорт на ее замужние

имена. Она сделала явный запрос о том, чтобы ее новая фамилия была правильно переписана без каких-либо поправок.

10 сентября 1999 года Служба гражданства и миграции выдала заявителю новый латвийский паспорт. Однако на странице 3, на главной странице, содержащей все основные данные владельца паспорта, ее фамилия появилась как «Менчена», а не «Менцен». Должностные лица Службы гражданства и миграции объяснили заявителю, что изменения в письменной форме ее фамилии были сделаны на основании Регламента №. 174 о транскрипции и идентификации имен и фамилий в документах, которые требовали, чтобы все фамилии и имена были воспроизведены «в соответствии с правилами написания латышского литературного языка» и «как можно ближе к их произношению на их языке». Следовательно, аффрикативная согласная «tz» была заменена буквой «с», которая произносится на латышском языке и поэтому имеет ту же фонетическую ценность. Аналогичным образом, фальшивое окончание «-а» было добавлено к фамилии заявителя, обозначающее женский именный единственный. Однако в разделе «Особые замечания» («Īpašas atzīmes») на странице 14 паспорта Служба гражданства и миграции установила специальный штамп, подтверждающий, что первоначальная форма (oriģinālforma) фамилии была «Mentzen».

Тщетно попытавшись убедить чиновников в службе по гражданству и миграции, которые выдали ей паспорт, чтобы исправить письменную форму своей фамилии, заявитель подал внутреннюю апелляцию с руководителем отдела. Она утверждала, среди прочего, что фонетическая транскрипция и грамматическая адаптация ее фамилии нарушали ее право на уважение ее семейной жизни, как это гарантировано статьей 8 Конвенции. В неустановленный день глава ведомства отклонил ее апелляцию на том основании, что на странице 14 паспорта в любом случае была указана первоначальная версия фамилии «Менцен» и что поэтому не было изменения фамилии.

2. Судебное разбирательство

Заявитель опубликовал судебное разбирательство в отношении Гражданской и миграционной службы в Суде первой инстанции района Рижского городского центра, которое отклонило ее требование в решении от 23 марта 2000 года. Сославшись на мнение отдела лингвистических консультаций Института Латышский язык (Latviešu valodas institūta Valsts valodas konsultāciju dienests) от 21 декабря 1999 года, в котором говорилось, что транскрипция немецкого названия «Mentzen» на латышский язык должна быть «Mencena» для женщины, Суд первой инстанции обнаружил, что фамилия заявителя были переписаны в соответствии с применимыми правилами, а именно, в Регламенте №. 310 на паспортах граждан Латвии, а также Постановление №. 174 о транскрипции и идентификации имен и фамилий в документах. Он также указал, что лица, находящиеся в этой ситуации, всегда могут иметь первоначальную форму своей фамилии, указанную в разделе паспорта под названием «Особые замечания», если они того пожелают.

Заявитель обжаловал это решение в Рижский областной суд, утверждая, в частности, что Суд первой инстанции неправильно истолковал внутреннее законодательство. В своей апелляции заявитель критиковал сам принцип «латышской» письменной формы иностранных фамилий и имен. В своем представлении два набора правил, приведенных в оспариваемом суде, нарушали право на уважение частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции и статьей 96 Конституции Латвии. Заявитель также указал, что ни Закон о государственном языке, ни соответствующие правила не требуют каких-либо грамматических или орфографических изменений для иностранных торговых марок или

коммерческих предприятий. Таким образом, было сомнительно, была ли такая практика в отношении названий либо необходимой, либо соразмерной. Наконец, заявитель сказал, что из-за изменения письменной формы ее фамилии она и ее муж теперь имели две разные фамилии в своих удостоверениях личности, что затруднило их идентификацию в качестве членов одной семьи.

В решении от 24 октября 2000 года областной суд отклонил апелляцию заявителя. Отметив, что Служба по вопросам гражданства и миграции полностью соблюдает применимые законы и правила, он согласился с тем, что жалоба на ситуацию может рассматриваться как вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции. Вместе с тем он считал, что вмешательство, направленное на защиту латышского языка, согласуется со вторым пунктом этого положения. Что касается представления заявителем о том, что различные правила, применяемые к товарным знакам и названиям компаний, Региональный суд счел, что он не имеет отношения к рассматриваемому делу, поскольку имена людей перешли в совершенно другую категорию и регулировались специальными правилами.

Заявитель обжаловал пункты права в Кассационном отделе Верховного суда, утверждая, в частности, что защита латышского языка не может быть законной целью, для которой ограничения были разрешены статьей 116 Конституции и статьей 8 § 2 Конвенции. В решении от 31 января 2001 года Кассационная комиссия отклонила ее апелляцию, считая, что, поскольку первоначальная форма фамилии «Менцен» появилась на странице 14 ее паспорта, не было нарушения ее права на уважение ее личной жизни ,

3. Судебное разбирательство в Конституционном суде

После вступления в силу поправок к Закону о Конституционном суде (*Satversmes tiesa*) заявитель подал апелляцию (*konstitucionālā sūdzība*) в этот суд, требуя декларации о том, что в разделе 19 Закона о государственном языке и в Постановлении №. 295 по транскрипции и идентификации имен и фамилий были неконституционными. Она утверждала, что оспариваемые положения противоречат статьям 96 и 116 Конституции Латвии.

Конституционный суд принял решение в решении от 21 декабря 2001 года (дело № 2001-04-0103). Признав, что фамилии попадают в сферу личной жизни, он заявил:

«...»

(2) ... Конституционный суд принимает аргумент заявителя о том, что «латвийство» [*latviskošana*] ее фамилии повлияло на нее эмоционально. Тот факт, что ее фамилия не написана так же, как ее муж, является источником неприятностей и социальных неудобств. Это усложняет повседневную жизнь, так как она должна дать дополнительные объяснения ее отношениям со своим партнером. Хотя недоразумения в конечном итоге устраняются, все это требует времени.

... Одна из основных функций ... имени и фамилии - дать возможность идентифицировать людей и определить отношения человека, связанного с его семьей.

Ввиду психологического отношения заявителя к расшифрованной фамилии и осложнений, которые она влечет за собой в повседневной жизни, которая, особенно за рубежом, может быть замечена в трудности, с которой другие сталкиваются при определении своих отношений с семьей, а так как стабильность фамилии влияет не на следует рассматривать только частную жизнь человека, а также интересы общества, положение, требующее,

чтобы иностранные фамилии в паспортах, изданные в Латвии, были переписаны в соответствии с традициями латышского языка и его лингвистическими правилами, должны рассматриваться как вмешательство в частную жизнь.

...

(3.1) ... [] вмешательство в личную жизнь заявителя соответствует закону, как это предусмотрено правилами, издаваемыми Кабинетом министров.

(3.2) Доказательство заявителя о том, что латышская транскрипция ее фамилии не преследует какой-либо из вышеупомянутых законных целей, не имеет оснований. Имена являются одной из особенностей языка, и вопрос о применимых к нему правилах затрагивает всю систему языка. Из материала дела видно, что заявитель фактически критикует сам принцип транскрипции иностранных фамилий, что является характерным для латышского языка. Следовательно, чтобы определить, преследует ли вмешательство ... законную цель, необходимо изучить роль латышского языка в Латвии.

Заявив, что официальный язык Латвийской Республики является латышским, статья 4 Конституции дает ему конституционный статус. Конституционный статус официального языка подкрепляет правовую основу для использования латышского языка в документах, изданных Латвийской Республикой. С учетом того, что паспорт гражданина Латвии является официальным документом, который не только идентифицирует заинтересованного лица, но также свидетельствует о постоянной юридической связи между физическим лицом и государством, фамилия и имя этого лица должны быть написаны на официальном языке ,

... Конституционный суд согласен с мнением эксперта ... что фамилия используется не только так называемым человеком, но и обществом. Следовательно, фамилии должны регулироваться ... для удобства членов общества.

Из-за исторических факторов, в частности, того факта, что доля латышей [происхождения] на национальной территории уменьшилась в течение двадцатого века, латышская нация представляет собой лишь меньшинство в некоторых крупных городах, включая Ригу ..., и латышский язык только недавно восстановил свой статус официального языка. Поэтому необходимость защиты официального языка и консолидации его использования тесно связана с демократическим режимом латвийского государства.

С учетом того, что ... в контексте глобализации Латвия является единственным местом в мире, где можно гарантировать существование и развитие латышского языка и, тем самым, латышского народа, ограничение или ограничение использования [этого] языка ... на национальной территории представляет собой угрозу демократическому режиму государства.

[В недавнем решении] Конституционный суд Литвы также пришел к выводу, что официальный язык помогает сохранить национальную идентичность, объединяет нацию и служит для выражения национального суверенитета и неделимости государства ...

Таким образом, цель вмешательства в личную жизнь заявителя заключалась в защите права других жителей Латвии свободно пользоваться латышским языком на всей территории страны и защищать демократический режим государства. Соответственно, вмешательство ... преследовало законные цели.

(4) ... [Это] необходимо изучить вопрос о том, было ли вмешательство [в вопросе] пропорционально законным целям [преследуемым].

(4.1) ... Конституционный суд не сомневается, что письменная форма имен в документах имеет прямое отношение к другим сферам, в которых используется язык, поскольку они тесно связаны. Если письменная форма иностранных имен в документах разрешена только в их первоначальной форме, было бы логично и логично, чтобы их использование [в этой форме] распространялось постепенно, потому что имена используются в разных текстах. Невозможно изолировать письменную форму иностранных имен в документах, удостоверяющих личность, из [их письменной формы в других документах]. Это серьезно угрожало бы качеству латышского языка и, следовательно, функции этого языка в обществе ...

Доказательства в материалах дела свидетельствуют о том, что [оспариваемое] вмешательство не помешало заявителю ... от осуществления других прав, которыми она обладает, например, пересечь границу ее и других государств, голосовать на выборах и получать почту. Неудобства, которые может пострадать человек в его повседневной жизни, не являются достаточным основанием для неприменения правил, которые являются следствием официального статуса языка.

Конституционный суд считает, что ущерб, связанный с функционированием латышского языка как единой системы, которая возникла бы при написании иностранных имен в их первоначальной форме, перевешивала бы неудобства, которые могут пострадать лица в результате использования паспорта, выданного по фамилии, расшифрованной в соответствии с традициями латышского языка.

В этих условиях функционирование латышского языка как единой системы ... представляет собой социальную необходимость, а не прихоть государственных органов.

В некоторых случаях транскрипция фамилии может затруднить идентификацию человека или определить его или ее отношения с его семьей (партнером). Однако интересы защиты латышского языка как официального и, следовательно, защиты демократической государственной системы оправдывают [это вмешательство].

(4.2) Утверждение заявителя о том, что фамилия, которую она приобрела по браку, была преобразована, необоснованна. Транскрипция [имя] имени не является его переводом на латышский язык (это не латышский язык существительного [как таковой]), а его адаптация к грамматическим особенностям латышского языка.

В мире широко используется большое количество систем письменности, и различия между ними делают объективно невозможным при переходе от одной системы к другой, чтобы сохранить исходную форму. Из-за различий между алфавитами абсолютное соответствие оригиналу невозможно даже между языками, использующими латинские символы. На латышском языке, начиная с начала письменного языка, устоявшаяся практика заключалась в расшифровке иностранных имен в соответствии с их произношением на языке оригинала, а не в их письменной форме. Правило №. 295 переводит этот принцип, регулирующий письменную форму иностранных имен, которая является характеристикой латышского языка, в правовое правило ...

Как [Официальный] Закон о языке, так и Правила №. 295 относятся к правилам литературного языка. ... [На] база латышской грамматики - это склонения. Окончания слов указывают пол и количество обычных и собственных существительных и функцию слова

в предложении. Уклоняющееся слово-окончание имени указывает пол носителя на имя. Во многих индоевропейских языках (например, на английском, немецком и французском языках) либо имена не имеют грамматического пола, либо не имеют никакого различия в виде мужских и женских фамилий. Следовательно, на этих языках иностранные имена могут быть включены в предложение в их первоначальной форме без разрушения грамматической системы языка. Однако на латышском языке иностранная фамилия не может быть включена в предложение ... если она не написана так, как она произносится и имеет окончание. Следовательно, традиции, регулирующие письменную форму иностранных имен, основаны на грамматических особенностях латышского языка.

Таким образом, Конституционный суд не может согласиться с заявлением заявителя о том, что ущерб, причиненный ее правам, больше, чем польза для государства. С таким ограничением в личной жизни человека государство усиливает стабильность системы латышского языка. Соблюдение кодифицированных традиционных правил ... во всех сферах использования и написания имен, в том числе документов, играет неотъемлемую роль в конкретных исторических обстоятельствах государства при установлении статуса официального языка. ...

(4.3) Чтобы уменьшить неудобства, вызванные транскрипцией имени человека, насколько это возможно, в [Официальном] Законе о языке указывается: «Когда это лицо ... так желает и может производить документальные доказательства [из этого] оригинал формы иностранной фамилии указывается в паспорте, в дополнение к его или ее имени и фамилии, которые были переписаны ... »

Значение выражения «в дополнение к» [papildus] было определено Кабинетом в его Правилах №. 310. Пункт 6 этого правила предусматривает: «... когда заинтересованное лицо желает, первоначальная форма его фамилии и имени должна быть внесена в раздел «Особые замечания» в соответствии с документальными доказательствами [прилагаемыми] ... !...

Однако раздел 3 Директивы №. 52, выпущенный руководителем Управления по делам гражданства и миграции ... предусматривает, что первоначальная форма должна быть указана только на странице 14 паспорта, то есть после других [соответствующих личных] деталей. ...

С учетом того, что, выбирая место, где должна быть введена первоначальная форма фамилии ..., Кабинет министров не сделал все, что в его силах, чтобы гарантировать, что транскрипция фамилии наносит наименьший вред индивидууму, положение Правил №. 310 ..., в котором предусматривается, что первоначальная форма ... должна вводиться в поле «Особые замечания», представляет собой непропорциональное вмешательство в личную жизнь ... и поэтому несовместима со статьей 96 Конституции и разделом 19 (2) Закона о официальном языке. "

Исходя из этого рассуждения, Конституционный суд нашел раздел 19 Закона об официальном языке, в котором устанавливается общий принцип, согласно которому иностранные фамилии должны быть транскрибированы фонетически и адаптированы грамматически, в соответствии со статьей 96 Конституции. Тем не менее, он заявил, что правило, требующее, чтобы первоначальная форма фамилии указывалась на странице 14 паспорта, а не в более видимом месте, ближе к фронту, неконституционным, учитывая тот факт, что на главной странице паспорта была страница 3. Конституционный суд заявил, в

частности, что эти положения, включая раздел 3 Директивы №. 52, перестанет быть эффективной и завершится 1 июля 2002 года.

В. Соответствующее внутреннее законодательство

1. Конституционные и законодательные положения

Статья 4 Конституции Латвии (Конституция) гласит: «Латвийский язык является официальным языком в Латвийской Республике». Статья 96 Конституции гарантирует «неприкосновенность частной жизни, жилища и переписки». Однако статья 116 разрешает ограничения на осуществление этого права в целях «защиты прав других лиц, демократической структуры государства, общественной безопасности, благосостояния и нравственности».

Раздел 3 Закона об именах и фамилиях (письменная форма в документах) от 1 марта 1927 года (Likums par vārdu un uzvārdu rakstību dokumentos), который был отменен, устанавливает, что имена и фамилии иностранного происхождения должны быть написаны так, как они были объявлены на латышском языке, с присоединением к соответствующему финальному финалу.

В разделе 18 бывшего Лингвистического закона (Valodu likums), который действовал до 31 августа 2000 года, предусматривалось:

«Латвийские имена будут использоваться в соответствии с латышскими традициями и правилами языка.

Имена иностранного происхождения должны быть переписаны и использованы на латышском языке в соответствии с правилами транскрипции [atveide], применимыми к именам иностранного происхождения ».

Раздел 19 нового Закона о официальном языке (Valsts valodas likums), который был принят 9 декабря 1999 года и вступил в силу 1 сентября 2000 года, гласит:

«(1) Имена должны быть переписаны в соответствии с традициями латышского языка и правилами, применимыми к литературному языку, учитывая положения подраздела (2) этого раздела.

(2) Историческая форма фамилии семьи соответствующего лица или, если он или она ... так желает и способен представить документальные доказательства [его], оригинальная форма иностранной фамилии транслитерируется на латинский алфавит, должны быть внесены в паспорт и свидетельство о рождении в дополнение к его или ее имени и фамилии, переписанным в соответствии с действующими формами латышского языка.

(3) Правила регулируют правописание и идентификацию имен и фамилий, а также правописание и использование иностранных наименований на латышском языке ».

2. Положения, принятые до 21 декабря 2001 года

Соответствующие части Правил №. 174 от 14 мая 1996 года о транскрипции и идентификации имен и фамилий в документах (Noteikumi par vārdu un uzvārdu rakstību un identifikāciju dokumentos) обеспечивают:

Пункт 1

«... Во всех документах, составленных на официальном языке, имя и фамилия лица должны быть написаны в соответствии с правилами написания латышского литературного языка, используя только буквы алфавита латышского литературного языка. Все имена и фамилии (за исключением неразрешимых имен и фамилий) должны иметь окончание, соответствующее правилам, определяющим существительные и прилагательные на латышском языке. Имена людей женского пола должны иметь окончание женского пола. Имена и фамилии иностранного происхождения, оканчивающиеся на o, -ā, ē, ī, -u, -ū в именительном имени, на латышском языке неразрешимы ».

Пункт 2

«Независимо от их этимологии на латышском языке, имена и фамилии иностранного происхождения должны быть написаны так, чтобы быть как можно ближе к их произношению на языке происхождения в соответствии с правилами переписывания иностранных имен. В зависимости от пола заинтересованного лица к именам и фамилиям иностранного происхождения добавляются мужские или женские окончания пола, если имена или фамилии не могут быть отклонены ».

Пункт 3

«Если форма имени или фамилии, внесенная в документы, доставленные на латышском языке, может затруднить идентификацию держателя, оригинальная форма имени или фамилии может быть указана в паспорте в соответствии с Постановлением ... по , 310 на паспортах граждан Латвии ... Если язык происхождения не использует латинские буквы, такое указание будет осуществляться путем транслитерации в латинский алфавит ».

Пункт 6

«Запись имени или фамилии лица в документе должна быть юридически идентична записи, содержащейся в свидетельстве о рождении (или другом документе), если обе записи полностью идентичны или единственные различия между ними заключаются в следующем:

(6.1) Каждая из записей согласуется с грамматическими или орфографическими правилами латышского языка в разные исторические периоды (то есть]:

(6.1.1) окончание было добавлено к имени или фамилии в одном документе, но не в другом;

(6.1.2) окончание имени или фамилии в каждом документе имеет другое склонение;

...

(6.1.4) имя или фамилия в каждом документе написаны по-разному;

...

(6.3) имя и фамилия написаны на иностранном языке в одном документе и на латышском языке в другом;

...

(6.5) имя или фамилия в каждом документе написаны с использованием разных правил для переписывания имен иностранного происхождения ».

Правило №. 295 от 22 августа 2000 года о транскрипции и идентификации имен и фамилий (Noteikumi par vārdu un uzvārdu rakstību un identifikāciju) в значительной степени повторяет положения предыдущего правила. Другими соответствующими положениями этого правила являются следующие:

Пункт 8

«Если человек желает сохранить ... историческую форму или оригинальную форму его или ее фамилии и представляет документы, подтверждающие такую форму:

(8.1) [компетентные] органы указывают в установленный момент в документах историческую форму, оригинальную форму или транслитерированную форму фамилии лица в латинском алфавите ((то есть), воспроизведенное буквой, с другого алфавита);
...»

Пункт 10

«Форма фамилии ..., написанная на латышском языке, должна быть юридически идентична первоначальной форме фамилии, исторической формы или формы, транслитерированной на латинские буквы».

Пункт 12

«В копиях и выдержках имя и фамилия сохраняют свою оригинальную письменную форму».

Пункт 14

«Если транскрипция имени или фамилии человека наносит ущерб его или ее жизненно важным интересам, он может обратиться в Центр государственного языка (Valsts valodas centrs) с просьбой переписать имя на латышский язык в форме, которая менее вредящие его интересам. Мнение государственного языка о том, каким образом имя и фамилия лица должно быть написано на официальном языке, должно быть обязательным для [компетентных] органов ».

В Латвии паспорт является основным удостоверением личности латвийских граждан. Пункт 6 Регламента №. 310 от 24 октября 1995 года о паспортах граждан Латвии (Noteikumi par Latvijas pilsoņu pasēm), который действовал до 1 июля 2002 года, при условии, что если лицо желает, чтобы оригинальная письменная форма его или ее имени и фамилии была введена в его или ее паспорт, он должен был быть внесен в раздел паспорта под названием «Специальные замечания» («Īpašas atzīme»). Раздел 3 Директивы №. 52, выпущенный руководителем Управления по вопросам гражданства и миграции (официальный предшественник службы по гражданству и миграции), заявляет, что оригинальная письменная форма должна появиться на специальной марке, установленной на странице 14 паспорта.

3. События после вынесения решения от 21 декабря 2001 года

5 марта 2002 года, после решения Конституционного суда, указанного выше, Кабинет министров принял Постановление №. 96 о транскрипции и использовании имен иностранного происхождения на латышском языке (Noteikumi par citvalodu personvārdu rakstību un lietošanu latviešu valodā), тщательно кодируя правила транскрипции иностранных имен. Соответствующие пункты постановления гласят следующее:

Пункт 45

«На латышских женских именах, будь то латышского или иностранного происхождения, формируются и используются с соответствующими женскими гендерными окончаниями».

Пункт 48

«Эквивалент мужских имен, заканчивающихся на -s, должен быть женскими именами, заканчивающимися на а или -е».

Пункт 54

«От мужских имен, заканчивающихся на -ens ..., женский будет сформирован с окончанием -a, например: Rībens - Rībena, Kacens - Kacena».

Пункт 123

«[Что касается названий немецкого происхождения], [] положения [предыдущих] пунктов этого правила не применяются к согласным или определенным группам согласных, которые транскрибируются следующим образом:

...

(123.31) 'tz' [транскрибируется] 'c' ... "

18 июня 2002 года в целях выполнения решения Конституционного суда от 21 декабря 2001 года Кабинет министров принял новое постановление №. 245 на паспортах граждан Латвии и иностранных постоянных жителей Латвии и проездных документов

Пункт 4

«В паспортах фамилия и имя ... соответствующего лица должны быть записаны в форме, требуемой законом и нормами, регулирующими написание фамилий и имен на латышском языке».

Пункт 6

«Когда письменная форма фамилии ... на странице 3 [главная страница] паспорта отличается от его письменной формы в документах, в которых это имя написано в оригинальной форме на другом языке ..., оригинальная форма ..., транслитерированные на латинский алфавит, должны быть указаны на странице 4 паспорта, если лицо ... так желает и может предоставить документальные доказательства [соответствующей формы]. Транслитерация в латинский алфавит осуществляется в соответствии с Приложением №. 4 к этому правилу ».

Пункт 15

«Паспорт выдается, если:

...

(15.6) лицо желает получить [новый] паспорт для замены действительного паспорта гражданина Латвии ... »

С. Сравнительное право

В решении от 21 октября 1999 года Конституционный суд Литвы (Konstitucinis teismas) вынес постановление о соответствии Конституции Литвы постановления Верховного

Совета от 31 января 1991 года о письменной форме имен и фамилий в паспортах граждан Литовская Республика (Dėl vardų ir pavardžių rašymo Lietuvos Respublikos piliečio pase). Соответствующие части этого решения гласят следующее:

«... В статье 14 Конституции предусматривается, что официальным языком является литовский язык. Тот факт, что статус официального языка закреплен в Конституции, означает, что у литовцев есть конституционная ценность. Официальный язык сохраняет самобытность нации, объединяет гражданскую нацию, обеспечивает выражение национального суверенитета, целостности и неделимости государства и надлежащего функционирования государственных учреждений и местных властей. Официальный язык является важной гарантией равенства перед законом, поскольку он позволяет всем гражданам пользоваться теми же отношениями с государственными учреждениями и местными органами власти при утверждении их законных прав и интересов. Согласно официальному языку конституционный статус также означает, что законодательный орган должен обеспечить в соответствии с законом, что использование этого языка защищено в общественной жизни и должно, кроме того, предоставить средства для защиты официального языка. Поскольку литовский язык получил статус официального языка в Конституции, он должен использоваться в государственных учреждениях и местных органах власти, а также во всех учреждениях, предприятиях и организациях, расположенных на территории Литвы. Устав и другие правовые документы должны быть обнародованы на официальном языке. Канцелярские, бухгалтерские, управленческие и финансовые документы должны составляться на литовском языке. Наконец, переписка между государственными учреждениями и местными органами власти, учреждениями, предприятиями и организациями должна быть написана на официальном языке.

...

Поскольку паспорт гражданина Литвы является официальным документом, свидетельствующим о постоянных правовых отношениях между гражданином и государством, а именно о гражданстве лица, и поскольку вопрос о гражданстве входит в сферу общественной жизни государства, имя и фамилия человека должны быть написаны на официальном языке. В противном случае конституционный статус этого языка будет поставлен под сомнение.

...

Как было указано выше, сферой, в которой использование официального языка является обязательным, является общественная жизнь в Литве. Следовательно, это не обязательно в личной жизни, в которой люди могут использовать язык по своему выбору. Резолюция Верховного Совета не регулирует личную жизнь. Он определяет только то, как имена и фамилии должны быть записаны в паспортах граждан Литвы. ...

...

... Следует отметить, что положения резолюции Верховного Совета, требующие, чтобы имя и фамилия человека были написаны литовскими буквами [и] по мере их применения, распространялись на всех без исключения граждан без различия по признаку этнического происхождения или иным образом, Членство человека в этнической группе - это вопрос для этого лица, чтобы решить, то есть никто, кроме заинтересованного лица, не может квалифицировать этническую группу, к которой он принадлежит. Следовательно, невозможно создать исключения, позволяющие использовать официальный язык в соответствии с этническим происхождением соответствующего лица. Аналогичным

образом, этническое происхождение не может быть использовано в поддержку просьбы об освобождении от положений, которые являются результатом статуса языка как официального языка. В противном случае конституционный принцип равенства всех перед законом будет нарушен. ...»

D. Международное право

В настоящее время основными международными документами об использовании фамилий и имен являются конвенции Международной комиссии по гражданскому статусу (ICCS). В частности, Конвенция №. 14 о регистрации фамилий и имен в регистрах гражданского статуса, подписанных в Берне 13 сентября 1973 года, были ратифицированы Германией, Австрией, Грецией, Италией, Люксембургом, Нидерландами и Турцией. Латвия не подписала его. Соответствующие статьи настоящего Соглашения гласят следующее:

Статья 2

«Если запись должна быть сделана в регистре гражданского статуса органом Договаривающегося государства, и для этой цели создается копия или выписка из записи о гражданском статусе или какой-либо другой документ, который показывает фамилии и имена в одном и том же символы, которые используются на языке, на котором должна быть сделана запись, эти фамилии и имена будут воспроизведены буквально без изменений или перевода.

Любые диакритические знаки, составляющие часть таких фамилий и имен, также воспроизводятся, даже если такие метки не существуют на языке, на котором должна быть сделана запись ».

Статья 3

«Если запись должна быть внесена в регистр гражданского статуса органом Договаривающегося государства, и для этой цели производится копия или выписка из записи о гражданском статусе или какой-либо другой документ, который показывает фамилии и имена в других лицах чем те, которые используются на языке, на котором должна быть сделана запись, эти фамилии и имена должны быть воспроизведены, насколько это возможно, транслитерацией, без перевода. Если существуют стандарты, рекомендованные Международной организацией по стандартизации (ИСО), они должны применяться ».

Статья 4

«В случае несоответствия в написании фамилий или имен между двумя или более документами, соответствующее лицо назначается в соответствии с документами о гражданском статусе или документами, подтверждающими его личность, которые были составлены в Государстве который он или она был гражданином в то время, когда они были составлены.

Для целей этого положения термин «национальный» включает не только лиц, имеющих гражданство данного государства, но также беженцев и лиц без гражданства, чей личный статус регулируется законодательством этого государства ».

Соответствующие части пояснительного отчета к конвенции, принятые Генеральной Ассамблеей МКУХВ 14 сентября 1973 года, предусматривают:

«...

Вряд ли необходимо подчеркнуть необходимость такой однородности. Поскольку фамилии и имена являются основным средством идентификации человека, они должны быть согласованы везде, где он или она могут быть, и единообразие должно отражаться во всех документах гражданского состояния, которые касаются его или нее.

Конвенция носит по существу технический характер. Он ограничивается предписыванием, чтобы фамилии и имена, которые должны отображаться в записях о гражданском статусе, должны быть точным воспроизведением фамилий и псевдонимов, которые фигурируют в существующих записях или документах, созданных с целью составления дополнительной записи. ...

...

Статья 2

...

Из различных систем для воспроизведения имен статья выбирает литеральную систему; все буквы, которые собираются составить фамилию и имена, воспроизводятся без изменений. Эта система является единственной, которая обеспечит равномерность, избегая, например, буквы «и», которая будет изменена на «ои» или «ое», или буквы «cz» на «с» или «tch».

Правило правильного воспроизведения также применяется к диакритическим знакам. Примерами являются буква «й» с диарезисом или буквой «ö», которая будет скопирована как «ö» и не будет изменена на «ое». Диакритические знаки должны быть воспроизведены, даже если они не существуют на языке, на котором должна быть сделана запись. Если запись печатается на машинке, диакритические знаки должны добавляться вручную, если это необходимо.

В первом абзаце статьи также указывается, что фамилии и имена должны быть воспроизведены без изменения или перевода. Однако следует помнить, что строгость этого правила, особенно важного, когда частицы, отклоненные имена и имена, обеспокоены, в соответствующих случаях смягчается положениями второго, третьего и четвертого пунктов статьи 1.

...

Статья 3

...

Из различных систем транспонирования статья выбирает транслитерацию: каждая буква с любыми диакритическими знаками воспроизводится по ее эквиваленту на другом языке.

...

В тех случаях, когда стандарты, рекомендуемые ИСО, отсутствуют, транспозиция должна, насколько это возможно, быть достигнута путем транслитерации.

Таким образом, в настоящее время нет стандартов транслитерации латинских символов на греческие символы. Транслитерация, однако, представляется возможной во многих случаях, особенно с помощью правил транслитерации, содержащихся в ISO / R843 (международная система транслитерации греческих символов на латинские символы).

С другой стороны, кажется очевидным, что при полном отсутствии стандартов невозможно транслитерировать кириллические, арабские или еврейские символы на греческие символы или китайские иероглифы на греческие или латинские символы. В этих условиях воспроизводство может быть достигнуто в предусмотренных случаях другим процессом, таким как фонетическая транспозиция. Однако даже в этом случае перевод по-прежнему запрещен. Фамилия и имена должны быть воспроизведены путем транслитерации с записями и документами, подготовленными с целью составления дальнейшей записи ».

На своем собрании в Берлине 11 сентября 1992 года Генеральная Ассамблея МКСМ приняла следующую резолюцию:

«... Ассамблея ... считает, что фраза« или какой-либо другой документ, который показывает фамилии и имена », содержащийся в первом абзаце статьи 2, охватывает любой публичный документ, даже если он не исходит из гражданского регистратора, такого как паспорт соответствующего лица ».

Е. Закон Сообщества

30 марта 1993 года Европейский суд (ЕЦЖ) вынес решение в *Christos Konstantinidis v. Stadt Altensteig, Standesamt и Landratsamt Calw, Ordnungsamt* (C-168/91, *European Court Reports*, 1993, р. I-1191). В этом случае, касающийся направления судом Тюбингенского района (*Amtsgericht*) на предварительное постановление, Европейский суд должен был рассмотреть вопрос о совместимости транслитерации греческого названия со свободой создания, как это гарантировано бывшей статьей 52 Договора об учреждении Европейского сообщества (который стал статьей 43, когда вступил в силу Амстердамский договор). В этом случае имя заявителя в основном производстве, г-н Христос Константинидис (*Χρήστος Κωνσταντινίδης*), греческий гражданин, который работал в качестве массажиста в Германии, был переведен в перевод своего свидетельства о рождении и в реестр браков как " *Hrēstos Kōnstantinidēs* ". Это была письменная форма, возникшая в результате применения стандарта ИСО 18, как это предусмотрено в статье 3 Конвенции ICCS №. 14 (см. Выше). Европейский Суд постановил следующее:

«11. ... [Т] два вопроса национального суда должны рассматриваться как стремление установить, по существу, то, будет ли статья 52 Договора толковаться как означающая, что она противоречит этому положению для имени греческого гражданина, который поселился в другом государстве-члене для того, чтобы заняться оккупацией как самозанятое лицо, которое должно быть внесено в регистры гражданского состояния этого государства в орфографии, отличной от фонетической транскрипции, посредством чего ее произношение модифицировано и искажено.

12. Отвечая на этот вопрос, сначала следует иметь в виду, что, как неоднократно заявлял Суд, статья 52 Договора является одним из основных правовых положений Сообщества. Запрещая любую дискриминацию по признаку гражданства в соответствии с национальными законами, положениями или практикой, эта статья стремится обеспечить, чтобы в отношении права на учреждение государство-член предоставляло гражданам

других государств-членов такое же отношение, какое оно соответствует его собственным гражданам ...

13. Поэтому необходимо определить, могут ли национальные правила, касающиеся транскрипции римских символов имени греческого гражданина в реестрах гражданского статуса государства-члена, в котором он создан, способны поставить его в невыгодное положение в законе или фактически, по сравнению с тем, как гражданин этого государства-члена будет рассматриваться в тех же обстоятельствах.

14. Ничто в Договоре не препятствует транскрипции греческого имени в римских персонажах в реестрах гражданского статуса государства-члена, которое использует латиницу. Поэтому для соответствующего государства-члена необходимо принять законодательные или административные меры, устанавливающие подробные правила такой транскрипции в соответствии с предписаниями любых международных конвенций, касающихся гражданского статуса, участником которых оно является.

15. Такие правила считаются несовместимыми со статьей 52 Договора только в той мере, в какой их применение причиняет греческому гражданину такую степень неудобства, что фактически препятствует его свободе осуществлять право на установление, закрепленное в этой статье.

16. Такое вмешательство возникает, если гражданин Греции обязан законодательством государства, в котором он создан, использовать в целях своей оккупации правописание своего имени, вытекающее из транслитерации, используемой в регистрах гражданского статуса, если это правописание - это изменение своего произношения, и если возникшее искажение подвергает его риску, потенциальные клиенты могут путать его с другими людьми.

17. Поэтому в ответ на национальный суд следует указать, что статья 52 Договора должна толковаться как означающая, что она противоречит этому положению для греческого гражданина в соответствии с применимым национальным законодательством, использовать в преследование его оккупации, написание его имени, в результате которого его произношение изменено, и возникающее в результате искажение подвергает его риску, который потенциальные клиенты могут смутить его с другими людьми ».

ЖАЛОБЫ

Заявитель жаловался в соответствии со статьей 8 Конвенции, что искажение письменной формы ее фамилии в ее паспорте представляет собой необоснованное и соразмерное вмешательство в осуществление ее права на уважение ее частной и семейной жизни.

ЗАКОН

Заявитель утверждал, что способ, которым ее фамилия была расшифрована в ее паспорте, нарушала ее право уважать ее частную и семейную жизнь, как это гарантировано статьей 8 Конвенции. Соответствующие части статьи 8 предусматривают следующее:

«1. Каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни ...

2. Не должно быть никакого вмешательства со стороны государственного органа в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это соответствует закону и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественной безопасности или экономического благосостояния страны, для

предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц ».

А. Представления сторон

1. Правительство

Правительство начало объяснять некоторые особенности латышского языка, в частности тот факт, что все иностранные имена были переведены на язык с использованием латышских фонетических правил. Этот принцип был таким же старым, как и сам латышский язык. Первая книга, полностью напечатанная на латышском языке, *Catechismus catholicorum*, произведение святого Петра Канисия, опубликованная в 1585 году и переведенная на латышский язык немецкими священнослужителями, следовала этому подходу, в частности, путем переписывания немецкого аффрикативного согласного «z» или «tz» как «с». Правительство также процитировало работу, которая была опубликована сто лет спустя, латышская грамматика Х. Адольфа (1685) и первый беспрепятственный перевод Библии (1685-89), в котором было принято аналогичное решение. Они также ссылались на два современных источника: Том III Руководства по написанию и произношению имен иностранного происхождения на латышском литературном языке Академией наук (1960) и Руководством по использованию и произношению имен и фамилий в Латышский литературный язык (1998 год) Государственным языковым центром. Короче говоря, правительство подчеркнуло, что латыши всегда и везде переписывали немецкие «z» и «tz» как «с». Следовательно, при введении того же правила в Постановлении №. 96, латвийское правительство сделало не более, чем кодирование уже существующей практики, которая была абсолютной и общей.

То же самое относится к добавлению флективных окончаний к именам. Выступавшие на латышском языке всегда использовали такие окончания, поскольку язык впервые появился. Правительство признало, что два вышеупомянутых принципа, а именно фонетическая транскрипция и перегиб, не распространяются на коммерческие товарные знаки. Однако различие было естественным, потому что, говоря или говоря, латышские ораторы мысленно ссылались на соответствующее родовое существительное - «X» [магазин], «Y» [холодильник], «Z» [автомобиль] - даже если само существительное было не упомянуто. Более того, когда товарные знаки упоминались в документе, они всегда помещались между кавычками или курсивом.

Правительство с самого начала признало, что в соответствии с обоснованной прецедентной практикой Суда в настоящем деле применялась статья 8 Конвенции. Они также согласились с тем, что, подписывая фамилию заявителя фонетически, латвийские власти вмешивались в ее право на уважение ее личной жизни, гарантированное этим положением. Вместе с тем они считали, что это вмешательство соответствует требованиям второго абзаца статьи 8, то есть он «в соответствии с законом», преследует законную цель и «необходим в демократическом обществе» для достижения этой цели.

Правительство заявило, что они удовлетворены тем, что вмешательство было «в соответствии с законом» по смыслу Статьи 8 § 2 Конвенции. В этой связи они отметили, что в паспорте заявителя национальные власти использовали письменную форму «Менчена» в соответствии с разделом 18 прежнего Лингвистического закона и правил №. 310 и 174, последний был заменен Регламентом №. 295 1 сентября 2000 года. Кроме того, ни одно из положений этих правил не оставляло никаких ограничений на произвольные действия со стороны должностных лиц, ответственных за подготовку свидетельств о

рождении и паспортов. Иностранные имена не могли быть транскрибированы каким-либо образом, но в соответствии с фиксированными правилами, существовавшими в течение четырех столетий.

Что касается «законной цели», то правительство признало, что перечень целей, изложенных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, является исчерпывающим. Вместе с тем они были убеждены в том, что вмешательство удовлетворило это положение, поскольку оно «было направлено на защиту права других людей на то, чтобы слышать и использовать правильные латыши на латвийской территории, будучи в состоянии идентифицировать людей по их именам и обеспечить, чтобы латышский язык был полностью установлен как официальный язык Латвии». В этой связи правительство указало, что только совсем недавно латышский язык восстановил свой статус официального языка и что за пятьдесят лет советской власти он смог выжить только в результате латышского народа, решимости продолжать использовать его и, насколько это возможно, содействовать использованию их языка. Даже сегодня, когда официальный статус латыша был защищен Конституцией, необходимость консолидации его использования в общественной жизни была еще более важной из-за необходимости «поддерживать личность нации, объединять и гарантировать функционирование государства» в целом "и во избежание риска его исчезновения в будущем. Поскольку латышский язык был официальным языком государства, было логично требовать его правильного использования в официальных документах.

Правительство не отрицало, что люди в ситуации заявителя могут иметь особые пожелания относительно того, как их фамилия была расшифрована в их удостоверениях личности. Однако такие индивидуальные предпочтения всегда должны были сопоставляться с законными потребностями общества. В частности, по мнению правительства, использование фамилии в документе, удостоверяющем личность, не могло быть отделено от его использования в социальном взаимодействии в целом, как официальном, так и неофициальном.

В данном случае ввод «Mentzen» в качестве основной формы фамилии заявителя в ее паспорте означал бы навязывание обществу неправильного использования языка, противоречащего фонетическим и грамматическим правилам латышского языка. Правительство представило несколько примеров недоразумений, которые могли бы возникнуть, если бы фамилия была использована без флективного окончания в предложении: в большинстве случаев было бы невозможно определить, был ли «Менцен» предметом или объектом глагола, и поэтому предложение вполне может оказаться непонятным. Систематическое разрешение имен, вводимых в паспорта без окончаний, побудило бы людей использовать ту же форму в разговоре. Как только такое использование стало обычным явлением, оно откроет двери для искажения языка и его ухудшения в огромных масштабах. В этой связи правительство утверждало, что даже если уйти с одной стороны, что, безусловно, будет негативной реакцией большинства населения, такое резкое изменение в практике четырех веков было бы опасным. Другими словами, было неприемлемо, чтобы одному человеку было разрешено наложить на остальное общество обязательство использовать «неестественные» формы языка и, тем самым, искаженный способ говорить, когда люди имели полное право пользоваться, читать и говорить на латышском языке.

В связи с этим правительство заявило, что в настоящем деле существует «настоятельная социальная необходимость», чтобы расшифровать имя заявителя. Они также были удовлетворены тем, что оспариваемое вмешательство не выходит за рамки того, что было

строго необходимо для удовлетворения этой потребности. В этой связи правительство отметило большое языковое разнообразие государств-членов Совета Европы, в котором объясняется разнообразие решений, которые были приняты для фамилий и имен. По мнению правительства, отсутствие общих правил и принципов по этому вопросу было отражено небольшим числом государств, подписавших Конвенцию ICCS №. 14 (см. Выше), список которых не включает Латвию. Правительство сочло, что точное воспроизведение, буква в письме, иностранного имени на другом языке является лишь одним из нескольких возможных решений. Хотя это может удовлетворить некоторых людей, это будет пагубно для других. Не было общепринятой системы, и, возможно, было бы очень много людей, которые предпочли бы правильно произносить имя.

Далее правительство заявило, что фонетическая транскрипция фамилии заявителя не обязательно сводила на нет первоначальную письменную форму «Менцен» или лишала ее юридической силы. Напротив, правила прямо разрешают заполнять форму в паспорте заявителя. С момента введения Правил №. 245, оригинальная письменная форма была введена на странице 4. Аналогичным образом, пункт 10 Регламента №. 295 гарантировал точную эквивалентность двух письменных форм для юридических целей.

Наконец, хотя правительство не отрицало, что заявителю могут быть причинены некоторые неудобства за границей, особенно если официальные лица в принимающем государстве не были должным образом проинформированы, они заявили, что риск недопонимания никогда не может быть полностью исключен, поскольку для всех было невозможно быть знакомыми с правилами транслитерации, существующими в разных странах. Кстати, правительство отметило, что все практические трудности, на которые заявитель жаловался, касались периода до принятия Правил №. 245. Поэтому они пришли к выводу, что все проблемы в основном связаны с расстоянием, разделяющим две письменные формы (адаптированная версия и оригинал). Однако заявитель был свободен от получения нового паспорта с оригинальной версией ее фамилии, указанной на странице 4, то есть физически более адаптированной к адаптированной версии.

Согласно информации, предоставленной Службой гражданства и миграции, она еще не воспользовалась этим правом.

Таким образом, правительство считает, что латвийские власти выбрали наименее ограничительные средства для согласования двух целей: с одной стороны, удовлетворения насущных социальных потребностей, а с другой стороны, уменьшения возможных препятствий для идентификации заявителя и ее семьи. Таким образом, был достигнут справедливый баланс, и вмешательство соответствовало требованиям статьи 8 § 2 Конвенции.

2. Заявитель

Заявитель согласился с правительством в том, что вмешательство в ее права в соответствии со статьей 8 Конвенции было «в соответствии с законом» по смыслу второго абзаца этой статьи. Однако она оспаривала легитимность цели, которую преследует такое вмешательство и его «необходимость в демократическом обществе».

В результате, во-первых, с целью, преследуемой мерой, заявитель привел решение Конституционного суда от 21 декабря 2001 года в качестве доказательства того, что истинной целью, которую преследовали латвийские власти, была защита официального языка, а не «защита прав другие », как утверждало правительство. Такая цель не является «законной целью» для целей статьи 8 § 2 Конвенции.

Что касается соразмерности вмешательства, заявитель подчеркнул, что практика латвийских властей вызвала путаницу между двумя письменными формами одного и того же имени и затруднила для других выявление соответствующего лица. Она сделала вывод о том, что заявленная правительством цель, а именно «защита прав других», будет лучше обслуживаться практикой, диаметрально противоположной той, которая соблюдается. Другими словами, чтобы защитить права других, было бы лучше сохранить первоначальную письменную форму имени.

Что касается необходимости защиты официального языка, заявитель указал, что, как и на любом другом языке, латышский язык не может быть изолирован от окружающей среды. На него неизбежно влияли другие языки, а повседневный язык содержал ряд иностранных слов, которые не всегда были понятными для всех или чье произношение не было очевидным для всех. Кроме того, практика, принятая латвийскими властями по этому вопросу, была далеко не единой.

Так, например, с момента восстановления независимости Латвии в 1991 году в стране проживало большое количество иностранных граждан или приехало туда остаться. Многие из них создали торговые компании, имена которых были внесены в реестр компаний в том виде, в котором они были указаны, без каких-либо изменений в письменной форме (цитируемые заявителем примеры). Заявитель также подготовил копию документа регистрации транспортного средства, который был доставлен латвийскими властями мужу, и который имел оригинальную письменную форму его имени («Фердинанд Карл Фридрих Менцен» вместо «Фердинандс Карлис Фридрихс Менценс», поскольку они должны были быть переписаны, если соблюдались соответствующие правила). Она добавила, что сценическое имя молодой певицы с латышской музыкальной сцены было «Leen», и оно появилось в этой форме во всех газетах и журналах, и никто не стремился записать его как «Līn (a)». В ряде официальных документов, подготовленных заявителем, включая межминистерскую переписку и порядок депортации, имена иностранных граждан также появились в их первоначальном виде. Она представила ряд других конкретных примеров. Она упомянула о крупнейшей ежедневной газете в Латвии, в которой имена иностранных команд, спортивных клубов и иностранных разведчиков были воспроизведены курсивом в оригинальной письменной форме. Что касается имен людей, их письменная форма была практически всегда латышской, даже если они не были транскрибированы или транслитерированы в их удостоверения личности (например, «Жак Ширак» был переписан как «Жакс Ширакс» и «Ари Флейшер» как «Ари Флейшерс» «). Заявитель не видел причин, по которым тот же принцип не следует применять к ее имени, которое, таким образом, останется в первоначальной форме в официальных документах и примет форму «Менчена» в неофициальных документах. Вопреки сказанному, вопрос о письменной форме иностранных имен в паспортах можно рассматривать отдельно от вопроса об их форме в повседневном использовании. В противном случае нужно было бы признать, что иностранные имена требовали специальной «легитимации» со стороны властей принимающего государства.

Заявитель также оспаривал примеры недоразумений, которые были предоставлены Правительством, заявив, что на латышском языке уже существуют непристойные имена и что «разумный» читатель всегда будет понимать смысл. Кроме того, заявитель не убедился в примере с товарными знаками - ее фамилию можно было легко включить в предложение, добавив слово кундзе (г-жа) или ее имя «Юта», оба из которых могут быть

отклонены. Наконец, ее имя может быть написано курсивом, что уже является стандартной практикой с товарными знаками.

Короче говоря, правила транскрипции, принятые населением (и даже, иногда, государственными органами), были гораздо более либеральными, чем правила, установленные правилами, а использование «неправильных» имен было уже фактом современной жизни. Заявитель сказал, что никто не оспаривает важность защиты официального языка. Однако живой язык не может оставаться изолированным от изменений в обществе и, в частности, массового притока иностранных терминов. Заявитель отклонил аргументы правительства, основанные на практиках шестнадцатого и семнадцатого веков, а также Закон об именах и фамилиях (письменная форма в документах). В ее представлении с тех пор произошли коренные изменения в обществе как в отношении прав человека, так и в средствах связи, с тем чтобы практика, которая действовала в начале прошлого века, может быть чрезмерно ограничительной сегодня.

Заявитель также обратил внимание Суда на то, что положения, регулирующие эту сферу в двух других странах Балтии, были гораздо более гибкими. В Эстонии иностранные имена были воспроизведены так, как они были написаны на языке оригинала. В Литве можно было при желании сохранить оригинальную письменную форму. Заявитель указал, что из всех стран, которые использовали латинский алфавит, Латвия была единственным, кто использовал метод строгой фонетической транскрипции.

Заявитель также подчеркнул вмешательство в ее семейную жизнь. Выбрав фамилию своего мужа, она показала свое желание быть отождествленным с семьей своего мужа. Это был «культурный, психологический и правовой выбор», и изменение письменной формы ее имени подорвало «стабильность и уверенность в ее новой идентичности». Заявитель привел многочисленные проблемы и трудности, с которыми она столкнулась, из-за различий в написании между ней и фамилиями ее мужа.

Заявитель не согласился с доводами правительства относительно усилий, предпринимаемых латвийскими властями для сокращения пространства, разделяющего две письменные формы. Существование двух юридически идентичных письменных форм может свидетельствовать о существовании двух разных людей. Тот факт, что оригинальная письменная форма теперь была найдена на странице 4, а не на стр. 14, ничего не изменила. По-прежнему необходимо было перевернуть страницу, чтобы узнать, что оригинальная форма существует, а лицо, незнакомое с системой, не имеет оснований для этого, так как вся основная информация о держателе паспорта должна быть найдена на главной странице. Именно по этой причине она не обменяла свой текущий паспорт на паспорт, соответствующий новым правилам.

Заявитель, наконец, изложил практические трудности, вызвавшие ее различные письменные формы ее имени в разных документах. Документы, изданные германскими властями, обычно содержат оригинальную версию «Mentzen». В качестве примера заявитель сказал, что, когда она выезжала за границу, власти других государств иногда высказывали сомнения относительно эквивалентности двух письменных форм одной и той же фамилии, тем самым ставя под сомнение ее личную идентичность. По общему признанию, недоразумения всегда исправлялись, но это требовало дополнительных объяснений, которые требовали времени.

В свете этих соображений заявитель в заключение сказал, что вмешательство, о котором она жаловалась, не отвечало «неотложной социальной необходимости». Следовательно,

это не было пропорционально какой-либо законной цели, которая, как утверждается, преследовалась.

В. Оценка Суда

1. Действует ли статья 8 Конвенции и было ли вмешательство в гарантированные права (а) применима ли статья 8

Ни одна из сторон не пыталась подвергнуть сомнению применимость статьи 8 Конвенции в настоящем деле, и Суд не видит причин для этого. Он сам признал его применимость - как к «частной жизни», так и к «семейной жизни» - к спорам, касающимся фамилий и имен физических лиц (см. *Burghartz v. Switzerland*, решение от 22 февраля 1994 года, серия А № 280- В, стр. 28, § 24, *Stjerna v. Finland*, постановление от 25 ноября 1994 года, серия А № 299-В, стр. 60, § 37, и *Гилло против Франции*, решение от 24 октября 1996 года, Отчеты о суждениях и Решения 1996-V, pp. 1602-03, § 21, см. также *Szokoloczy-Syllaba* и *Palffy de Erdoed Szokoloczy-Syllaba v. Switzerland (dec.)*, № 41843/98, 29 июня 1999 года, *Bijleveld v. the Netherlands (dec.)*, № 42973/98, 27 апреля 2000 г. *Taieb*, известный как *Halimi v. France (dec.)*, № 50614/99, 20 марта 2001 года, *GMB и КМ против Швейцарии (dec.)*, no. 36797/97, 27 сентября 2001 года, *Šiškina и Šiškins v. Latvia (dec.)*, № 59727/00, 8 ноября 2001 года, и *Петерсен против Германии (решение)*, № 31178/96, 6 декабря 2001 года). Таким образом, предмет заявления относится к сфере применения статьи 8 Конвенции.

(b) Были ли помехи

Правительство не оспаривало утверждение заявителя о том, что способ, которым ее замужнее имя было внесено в ее латышский паспорт, сводилось к вмешательству в ее право на уважение ее частной и семейной жизни. Суд отмечает, что не всякое регулирование фамилий и имен будет обязательно представлять собой такое вмешательство. Хотя верно, что обязательство изменить свою фамилию определенно будет рассматриваться как вмешательство (см. *Stjerna*, цитированное выше, стр. 60-61, § 38), в данном случае Суд не считает, что транскрипция заявления заявителя фамилия может считаться подлинной сменой имени. При расшифровке фамилии «Менцен» как «Менчена», латвийские власти применяли нормативные и нормативные положения, регулирующие использование фамилий и псевдонимов иностранного происхождения, которые, с одной стороны, предназначены для приведения письменной формы фамилии в соответствие с его произношением, а с другой - адаптировать его к особенностям латышской грамматики. Суд, в частности, отмечает, что раздел 19 (2) Закона о государственном языке и пункт 6 постановления № 310 (см. Выше «Соответствующее внутреннее законодательство») предоставляют заинтересованным лицам право иметь оригинальную письменную форму своего имени, которая по-прежнему остается идентичной в соответствии с адаптированной письменной формой, внесенной в их паспорт. Действительно, заявитель воспользовался этим правом. Следовательно, Суд считает, что дело касается регулирования использования имени, а не принудительного изменения имени. Однако осуществление таких правил может также представлять собой вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции.

Суд отмечает, что, введя фамилию заявителя в свой паспорт, латвийские власти переписали афферентный согласный «tz» как «с» и дали название флектуальному окончанию. Он не считает необходимым рассматривать эти два изменения отдельно. Было бы просто заметить, что визуальная разница между адаптированной письменной формой

(«Менчена») и оригинальной письменной формой («Менцен») достаточно велика, чтобы заставить обычного наблюдателя задаться вопросом, является ли это одно и то же имя. Заявитель пояснил, что некоторые официальные документы, относящиеся к ней, в частности те, которые были выпущены германскими властями, носили первоначальный вариант ее фамилии, так что ей иногда приходилось как в Латвии, так и за границей предоставлять дополнительные сведения о ее личности и эквивалентность двух письменных форм. Поэтому Суд принимает аргумент заявителя о том, что эта ситуация может вызвать ее проблемы и неудобства в ее социальной и профессиональной жизни. В этой связи он вновь заявляет, что право на уважение частной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции включает в себя право пользоваться отношениями с другими людьми и вести нормальную социальную жизнь (см. Выше, Бургхарц, стр. 28, § 24, и Niemietz v. Germany, решение от 16 декабря 1992 года, серия А № 251-В, стр. 33-34, § 29).

Кроме того, Суд повторяет, что, когда супруги предпочитают использовать одно и то же имя, это имя приобретает важное значение в качестве свидетельства их взаимной привязанности и единства семьи (см. *Mutatis mutandis*, Szokoloczy-Syllaba и Palfy de Erdoed Szololoczy-Syllaba, процитированное выше). Как указано выше, разница между письменными формами «Менцен» и «Менчена» достаточно велика, чтобы вызвать сомнения в отношении эквивалентности двух версий. Следовательно, когда заявитель и ее муж используют свои соответствующие паспорта, в которых содержатся разные письменные формы их фамилии, их совместная идентификация в качестве семейного подразделения может в определенных ситуациях затрудниться.

В свете вышесказанного Суд считает, что фонетическая транскрипция и грамматическая адаптация фамилии заявителя, выполненная в ущерб первоначальной орфографии, сводится к вмешательству в ее право на уважение ее частной и семейной жизни. Такое вмешательство не будет нарушать Конвенцию, если она будет «в соответствии с законом», преследует одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 статьи 8 и «необходима в демократическом обществе» для достижения этой или этих целей.

2. Было ли оправдано вмешательство

(а) Было ли вмешательство «в соответствии с законом»,

Стороны согласились с тем, что вмешательство было «в соответствии с законом», а именно в разделе 19 Закона о государственном языке и соответствующих положениях пп. 174, 295 и 310. Суд не видит причин найти иное.

(б) Было ли вмешательство преследовало законную цель

Что касается целей, преследуемых спорных мер, Суд отмечает, что в своем решении от 21 декабря 2001 года латвийский Конституционный суд оправдал правило, требующее фонетическую транслитерацию и грамматическую адаптацию иностранных имен по различным признакам, в частности, необходимость сохранить целостность правил грамматики и традиции правописания латышского языка, государственного языка государства в данном случае. Правительство по существу повторило аргументы, высказанные Конституционным судом, в то же время особое внимание уделялось особой роли латвийского государства в сохранении и продвижении латышского языка. Однако, поскольку защита национального языка или языков прямо не упоминается в тексте статьи

8 § 2 Конвенции, Суд должен проверить, соответствуют ли причины, на которые ссылается правительство, одной или нескольких целей, изложенных в это положение.

Суд с самого начала отмечает, что языковая свобода как таковая не является одним из прав и свобод, регулируемых Конвенцией (см., *Mutatis mutandis, Podkolzina v. Latvia*, № 46726/99, § 34, ECHR 2002-II, *Rahor v Италия*, № 19927/92, решение Комиссии от 29 июня 1994 года, не сообщается, *Козловс против Латвии* (реж.), № 50835/99 от 10 января 2002 года, а среди пожилого прецедентного права жителя Лиу- Сент-Пьер против Бельгии, № 2333/64, решение Комиссии от 16 декабря 1968 года, Сборник решений Европейской комиссии по правам человека, том 28, стр. 1-25). По общему признанию, нет водонепроницаемого подразделения, отделяющего лингвистическую политику от области, охватываемой Конвенцией, и мера, принимаемая в рамках такой политики, может быть в пределах одного или нескольких положений Конвенции. Однако остается фактом, что, за исключением особых прав, указанных в статьях 5 § 2 и 6 § 3 (а) и (е), Конвенция сама по себе не гарантирует права использовать конкретный язык в общении с общественностью власти или право на получение информации на языке по своему выбору. Следовательно, при условии уважения прав, защищаемых Конвенцией, каждое Договаривающееся государство имеет право навязывать и регулировать использование своего официального языка или языков в документах, удостоверяющих личность, и других официальных документах.

Суд далее отмечает, что большинство Договаривающихся государств решили предоставить один или несколько языков статусу официального языка или государственного языка и зафиксировали их как таковые в своих соответствующих конституциях. При этом Суд признает, что официальный язык для этих государств является одним из основных конституционных ценностей так же, как национальная территория, организационная структура государства и национальный флаг. Язык ни в каком смысле не является абстрактным значением. Он не может быть отделен от того, как он фактически используется его динамиками. Следовательно, формулируя свой официальный язык, государство обязуется в принципе гарантировать своим гражданам право использовать этот язык как для передачи, так и для получения информации без помех не только в их личной жизни, но и в их отношениях с общественностью власти. По мнению Суда, в первую очередь с этой точки зрения следует учитывать меры, направленные на защиту данного языка. Другими словами, подразумеваемым в понятии официального языка является наличие определенных субъективных прав для носителей этого языка.

Правительство изложило трудности, с которыми сталкивался латышский язык в течение пятидесяти лет советской власти. В частности, они подчеркнули сохраняющиеся опасения латвийских властей относительно сохранения и развития языка. По мнению правительства, ситуация, в которой в настоящее время латышский язык оправдывает принятие и осуществление строгих правил, регулирующих правильное использование. В этой связи Суд повторяет, что в силу их прямого и постоянного контакта с жизненно важными силами своих стран власти, особенно национальные суды, в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы высказать мнение о необходимости вмешательства в такую особую и чувствительную область (см. *mutatis mutandis, Handyside v. United Kingdom*, решение от 7 декабря 1976 года, серия А № 24, стр. 22, § 48, *Cha'are Shalom Ve Tsedek v. Франция* [GC], № 27417/95, § 84, ECHR 2000-VII и *Fretté v. France*, № 36515/97, § 41, ECHR 2002-I). Таким образом, в первую очередь для латвийских властей, а не для Суда, - оценить истинное положение латышского языка в

Латвии и оценить серьезность факторов, которые могут поставить его под угрозу. В своем решении от 21 декабря 2001 года Конституционный суд Латвии пришел к выводу, что положение латышского языка в общественных отношениях страны в целом остается относительно хрупким и, следовательно, необходимо обеспечить ему дополнительную защиту. Суд мог бы сослаться только на эту оценку, если она была произвольной, что явно не относится к делу.

В свете вышесказанного Суд признает, что, как утверждало правительство, в настоящем деле существует «законная цель». В этой связи он приходит к выводу о том, что вмешательство в проблему соответствует хотя бы одной из целей, изложенных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, а именно: «защита прав и свобод других лиц».

с) было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»,

Остается выяснить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», то есть соразмерным преследуемой законной цели. В этой связи Суд ссылается на принцип, установленный в его обоснованной прецедентной практике, что, хотя основным объектом статьи 8 является защита личности от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, могут быть, кроме того, позитивные обязательства, присущие эффективно уважению для личной жизни. Границы между позитивными и негативными обязательствами государства не поддаются точному определению. Однако в обоих контекстах необходимо учитывать справедливое равновесие, которое должно быть достигнуто между конкурирующими интересами личности и сообщества в целом (см., Среди многих других авторитетов, *Stjerna*, процитированное выше, стр. 60-61, § 38). При определении того, был ли достигнут этот баланс, Суд, тем не менее, должен принять во внимание пределы усмотрения, предоставленные государству в соответствующей сфере. Процесс, при котором фамилии и имена даются, признаются и используются, являются областью, в которой национальные особенности являются самыми сильными и в которых практически нет точек сближения между внутренними правилами Договаривающихся государств. Эта область отражает большое разнообразие между государствами-членами Совета Европы. В каждой из этих стран использование имен зависит от множества факторов исторического, языкового, религиозного и культурного характера, поэтому крайне сложно, если не невозможно, найти общий знаменатель. Следовательно, край усмотрения, который государственные органы пользуются в этой сфере, особенно широк (см. Цитируемую выше *Стьерну*, стр. 61, § 39 и *G.M.B. и K.M. v. Switzerland*, процитированные выше).

По мнению Суда, то же самое относится и к введению фамилий и имен иностранного происхождения в официальных документах. В этой связи Суд отмечает, что лишь несколько государств ратифицировали Конвенцию МКРТ №. 14, конвенция, специально предназначенная для введения степени однородности в этой сфере (см. Выше «Международное право»). Более того, существование этой конвенции не может рассматриваться как предоставление окончательного решения проблемы, поскольку ее практическое применение может вызвать трудности (см., В частности, решение Европейского суда в *Christos Konstantinidis*, процитированное в «Законодательстве Сообщества» " выше). В любом случае, когда компетентные органы государства оказываются обязанными транскрибировать в удостоверении личности или другом официальном документе имя лица из страны, язык которой использует другую форму письма, которая используется в документе, они необходимы чтобы составить, разница между алфавитами может сделать транслитерацию необходимой. Для осуществления

такой транслитерации могут использоваться различные методы, которые все еще преследуют одну и ту же цель интеграции носителя имени во весь диапазон социальных отношений в принимающей стране. Однако наиболее распространенным методом является фонетическая транскрипция, цель которой - как можно точнее воспроизводить произношение соответствующего языка на языке происхождения.

Это правило не применяется, если первоначальная форма фамилии написана в том же алфавите, что и текст, в котором должен быть составлен документ. Суд отмечает, что подавляющее большинство государств-членов Совета Европы, чей официальный язык или языки используют латинский алфавит, выбрали простое буквальное воспроизведение имени, поскольку оно написано на языке происхождения, даже если разница в фонетическое значение, приписываемое определенным символам на двух языках, может вызвать трудности и недопонимание в отношении произношения. Другими словами, в таких случаях именно письменная форма, а не произношение имени имеет приоритет. Этот подход, который вдохновлен принципом правовой определенности, более того, отражен в статье 2 Конвенции ICCS №. 14.

В Латвии, с другой стороны, иностранные фамилии подлежат фонетической транскрипции, даже если их оригинальная форма написана латинскими буквами. Кроме того, у большинства фамилий есть фиктивный окончание. В данном случае Конституционный суд Латвии признал, что с учетом грамматических особенностей латышского языка адаптация письменной формы иностранных имен объясняется необходимостью обеспечения правильного использования языка в официальных документах. Он отметил, среди прочего: «на латышском языке иностранная фамилия не может быть включена в предложение ... если оно не написано так, как оно произносится, и имеет окончание». Суд отмечает, что, хотя эта адаптация позволяет людям с командой латышского языка, чтобы правильно произнести это имя и легко включить его в фразы повседневного языка, это неизбежно влечет за собой изменение письменной формы.

Суд повторяет, что в случаях, связанных с отдельными заявками, его задача заключается не в рассмотрении соответствующего законодательства или практики в реферате; он должен, насколько это возможно, ограничиться, не обращая внимания на общий контекст, на рассмотрение вопросов, поднятых рассматриваемым им делом (см., среди многих других авторитетов, Олссон против Швеции (№ 1), решение от 24 марта 1988 года, серия А № 130, стр. 27-28, § 54, «Священные Монастыри против Греции», решение от 9 декабря 1994 года, серия А № 301-А, стр. 30-31, § 55 и «Аманн против Швейцарии» [GC], № 27798/95, § 88, ECHR 2000-II). Аналогичным образом тот факт, что страна находится в изолированном положении в отношении одного аспекта своего законодательства, не обязательно означает, что этот аспект оскорбляет Конвенцию, особенно в области, которая так тесно связана с культурными и историческими традициями каждого общества (см., *mutatis mutandis*, F. v. Switzerland, решение от 18 декабря 1987 года, серия А № 128, стр. 16-17, § 33). Следовательно, Суд считает, что он не имеет юрисдикции для рассмотрения в латвийской системе транскрипции фамилий как таковых. Его единственная задача состоит в том, чтобы определить, может ли адаптация внутренней власти письменной формы фамилии заявителя в данном случае способна нарушить ее права, гарантированные статьей 8 Конвенции (см. Стьерну, процитированную выше, стр. 61, § 39, Хокканен против Финляндии, решение от 23 сентября 1994 года, серия А № 299-А, стр. 20, § 55 и бывший король Греции и других против Греции, № 25701/94, Комиссия решение от 21 апреля 1998 года не сообщается).

В настоящем деле Суд признает, что, поскольку заявитель обязан использовать письменную форму «Менчена» в официальных документах в Латвии, она сталкивается с рядом практических проблем и трудностей. Однако объяснения, которые она дала, указывают на то, что эти трудности не вызваны новой письменной формой как таковой (это было бы, например, если бы указанное имя было пошлым или нелепым), а скорее от разницы между адаптированной версией и оригинальной версией ее фамилии. Суд отмечает, однако, что латвийские власти осознавали эту проблему, когда они регулировали фонетическую транскрипцию иностранных имен. Чтобы исправить это, они, в первую очередь, подтвердили, что эти две версии - оригинальные и адаптированные - от имени были эквивалентны закону (см. Пункт 6 Правила № 174 в «Соответствующем национальном законодательстве» выше). Во-вторых, они позволили предъявителю фамилии иметь оригинальную письменную форму, указанную в его или ее паспорте. Суд, в частности, отмечает, что в своем решении от 21 декабря 2001 года Конституционный суд Латвии признал, что шаги, предпринятые национальными властями по этому второму пункту, были недостаточными. В этой связи он постановил, что страница 14 паспорта, в которой была вставлена первоначальная версия имени, была слишком незаметной для местоположения ввиду того факта, что адаптированная письменная форма была введена на главной странице. Таким образом, расстояние, разделяющее две записи, могло затруднить идентификацию владельца паспорта. Правило №. 245, который был принят после этого решения и вступил в силу 1 июля 2002 года, направлен на устранение вышеупомянутого недостатка путем уменьшения расстояния между этими двумя версиями. Оригинальная версия имени теперь вводится на стр. 4 сразу после главной страницы, что позволяет чиновникам визуально сравнивать как письменные формы фамилии, так и удовлетворять их эквивалентность с большей определенностью и скоростью.

Суд далее отмечает, что пункт 15 вышеупомянутого Правила №. 245 позволяет любой заинтересованной стороне получить новый латвийский паспорт, даже если его или ее текущий паспорт остается в силе. Таким образом, он не видит подлинного объективного препятствия, препятствующего заявителю обменивать свой текущий паспорт на документы, удостоверяющие личность, которые удовлетворяют требованиям, изложенным в новом постановлении. Суд не оспаривает, что закрытие разрыва между двумя версиями фамилии не может быть достаточным, чтобы избежать всех трудностей, упомянутых заявителем. Кроме того, нельзя исключать риск проблем, связанных с осуществлением прав, гарантированных Конвенцией в некоторых случаях. По этой причине национальные власти должны продолжать внимательно следить за развитием событий в этой области (см. *Mutatis mutandis, Sheffield and Horsham v. United Kingdom*, решение от 30 июля 1998 года, Доклады 1998-V, стр. 2029, § 60 и *Кристин Гудвин против Соединенного Королевства [GC]*, № 28957/95, §§ 74-75, ECHR 2002-VI), чтобы иметь возможность принимать адекватные меры, если это необходимо. Однако в настоящем деле Суд не убежден в том, что эти трудности достаточно серьезны, чтобы обеспечить непропорциональное вмешательство в частную или семейную жизнь. В частности, в материале дела нет ничего, чтобы показать, что использование письменной формы «Менчена» помешало заявителю реализовать все свои политические, экономические и социальные права, признанные Конституцией и законом Латвии, в том числе право покинуть Латвию и вернуться туда. Действительно, это было отмечено Конституционным судом Латвии в его решении от 21 декабря 2001 года. Аналогичным образом Суд отмечает, что заявителю никогда не было отказано в разрешении на въезд или пребывание в каком-либо иностранном государстве, как в одиночку, так и вместе с мужем, в

результате о различии между двумя письменными формами ее имени. Что касается необходимости предоставления иностранным властям дополнительных сведений о различиях в правописании, Суд не считает это достаточно серьезным, чтобы сделать вмешательство несоразмерным для целей Статьи 8 § 2 Конвенции. В любом случае это домен, в котором невозможно избежать риска недопонимания до тех пор, пока документы о путешествии и документы, удостоверяющие личность, не станут едиными во всем мире.

Суд считает, что латвийские власти не превзошли границы усмотрения, которые им предоставлены в этой сфере. Из этого следует, что заявление должно быть отклонено как явно необоснованное в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

По этим причинам Суд единогласно,

Заявляет жалобу неприемлемой.